

Ник Форнит вное противостояние

Ник Форнит

Наивное противостояние

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73314348

SelfPub; 2026

Аннотация

Через призму ироничного повествования раскрываются идеи информационной интеграции разума и преодоления биологической смерти путем перехода сознания в «биосинтетические терминалы». В финале личные терзания героев и абсурдность бюрократической системы растворяются в масштабной перспективе включения человечества в галактическое сообщество.

Ник Форнит

Наивное противостояние

Наивное – не значит слабое. Сопротивление более прогрессивному всегда происходит на уровне отдельных особей, не приемлющих то, что попирает их убеждения.

Наивные идеи библейско-коммунистического гуманизма оказались в непримиримом противоречии с идеями галактического объединения.

Вадим хотел инопланетянку. Он с детства знал, что судьба обязательно закинет его далеко в космос и он повстречает ее, с большими, всепонимающими, но добрыми глазами. Добрыми только к нему в силу непреодолимого их взаимовлечения.

Он мечтал об этом постоянно, и все более изощренные фантазии безразмерно развивали его воображение.

Но было то, что портило всю благость. Вадиму претила мысль, что инопланетянку, по сути, он хочет именно как женщину. Ведь ему нужен был не инопланетянин, а только инопланетянка. Все фантазии их совместного бытия кульминировали на образах их чистого как ангельские помыслы, но обязательно телесного единства. Это было настолько травмирующее противоречие, что Вадим упрямо погрузился в попытки разобраться в своей психике, имеющей, как дока-

зывали обличающие факты, животное происхождение.

Наконец, гипертрофически развитое, готовое преодолеть любые препятствия воображение привело его в стены организованной научной психологии, где он продолжал удовлетворять свое любопытство за государственный счет.

Здесь он встретил девушку, настолько красивую и необычную, что она почти перекрыла собой инопланетные мечты. Вадим упорно не давал ни малейшего шанса своему животному началу, а Наташа со своей стороны это полностью поддерживала. Все видели непорочную дружественность их взаимоотношений и радовались этому как при виде счастливых детей, держащихся за ручки.

Хронотоп событий: отдаленная горная провинция страны советов, колоритный азиатский город в сезон густой левитации тополиного пуха. Жара, июль. Пароксизм демократии, когда слово "товарищ" являлось универсальным межгендерным обращением.

Дверь в полутемном коридоре со строгой табличкой ведет в скромные владения шефа биотехнологического отдела ОКБ ИИ (Особое Конструкторское Бюро Искусственного Интеллекта).

В комнате у шефа был чужой. Он стоял спиной к вошед-

шему Вадиму. Воротник футболки, явно купленной у спекулянта, вминался ремнем импозантной фото-сумки в загорелую шею. И то и другое говорило, что этот человек не привык скрывать, что у него есть чем платить и он пребывает в особой среде.

Шеф, потный с утра, в расстегнутой до глубокого декольте рубашке и взъерошенный от частого вздыбливания волос пятерней у вентилятора, стоял рядом, привалившись бедром к столу и утомленно выдавливал из себя снисходительные пояснения:

– Да, прямо вот этими, самыми обыкновенными слесарными метчиками "на пять" нарезаем в черепе резьбу, куда вворачиваем, пробки с микроэлектродами.

Чужак вежливо кивнул и брезгливо выронил черные метчики на стол. При этом Вадим заметил усы, мужественно загнутые ниже уголков рта на худощавом, не очень приятном, но располагающем к себе лице и большую фотокамеру, висящую на шее.

Вадим решил быть проще и молча подошел поближе. Шеф отвалился от стола и взял этикет в свои руки:

– Знакомьтесь: Травкин, Вадим Романович, – шеф поло-

жил горячую и влажную руку на плечо Вадиму, чуть подталкивая к корреспонденту, который дежурно раздвинул усы в улыбке и сверкнул в глазах дружелюбностью.

– Сквозняков, – продолжил было шеф.

– Дмитрий Давыдович, но лучше просто – Дмитрий, – корреспондент сжал протянутую руку и не отпускал пока не закончил:

– Очень приятно с вами познакомиться. Я готовлю материал для публикации, и мне рекомендовали вас как специалиста-новатора, работающего в перспективном направлении.

– А я тогда просто – Вадим!

– Практически – тезки!

Травкин с облегчением освободился от жилистой ладони и растеряно воззрел на шефа.

– Ну, ты покажи свое хозяйство, расскажи там!..

– Юрий Михайлович, сейчас Нифертити будет лекцию читать!

Шеф устало взглянул на часы. Он явно демонстрировал активное равнодушие к теме деяний какой-то Нифертити. Страдая от жары, он потряс воротником рубашки и, подавшись к вентилятору, вздыбил волосы в живительном потоке.

Советские кондиционеры были очень капризны, мало кто мог понять, что им нужно, чтобы задуть хотя бы легкой прохладой и они обычно бесполезно висели на окнах.

– У вас еще пятнадцать минут, успеете. Ты, Вадик, это... про отчет-то не забывай! – шеф трагически затряс указательным пальцем в сторону, – Ради бога, меня комиссии замучили, нужно чтобы у нас все было!

– После лекции займусь, – проакцентировал Вадим твердое намерение посетить Нифертити и повернулся к корреспонденту Дмитрию: – Пойдемте?

– Тогда начнем с вас, а потом на лекцию таинственной Нифертити.

– Это – не женщина, – поморщившись пояснил шеф, обернувшись от вентилятора, – А Нефедов, Григорий Савельевич! Наша интригующая достопримечательность, – с многозначительным злорадством добавил он, и повернулся спиной

чтобы еще на мгновение отдаться воздушной турбулентности. Демонстративно забыв про посетителей, он потянулся к своему недопитому чаю, хлебнул и, обойдя стол, ухнул во вздохнувшее кресло с висящим на спинке пиджаком. Потом удивленно взглянул на еще не ушедших, скосился на Вадима, передавая ему тем самым полномочия и вдруг, просияв, посоветовал корреспонденту:

– А вы сходите на эту лекцию, сходите! Сами увидите! – и окончательно исключился.

Вадим сурово подмигнул Дмитрию и коротко кивнул на выход. У дверей они замешкались, пропускал друг друга, из-за чего несколько натянуто прошли по коридору. Вадим, набрал код, и, когда громко щелкнул соленоид задвижки, галантно открыл дверь.

Корреспондент прошел за порог, озираясь и примеряясь к возможностям фотосъемки. Небольшая комнатка, выкроенная из бывшего туалета, опоясанная сан-кафелем на высоту человеческого роста и заставленная до той критической степени, за которой начинается клаустрофобия, явно не вдохновляла на репортаж о новаторской науке.

– Ничего, и не такое видал, – успокоил он скорее себя, чем и без того индифферентно настроенного Вадима, осторож-

но протискиваясь между железными неокрашенными стеллажами.

– Помещений у нас мало, развернуться негде. Поэтому многие разработки отдаем на откуп кооперативу.

– Что за кооператив?

– Научно-технический. Я, правда, с ними дела почти не имел. А шеф вам ничего не говорил?

– Абсолютно.

– Вот там и работает Нифертити.

Кооперативы появились совсем недавно и представлялись заманчивой дверью к свободе и к несчетному баблу. Чиновники ненавидели столь неуправляемое и возмутительное новообразование и, в то же время подумывали о вариантах использования такой лазейки в естественных во все времена чиновничьих параллельно-негласных схемах личного благополучия, потому что под лежащий камень...

– А где вы в черепе резьбу нарезаете? – поинтересовался корреспондент.

– Это не я нарезаю, а зоофилы с вивария в цоколе. Я только методику текущих исследований заказываю.

– Ясно. Еще ваш шеф про установку говорил, покажете?

– Да вот она вся на том столе.

На большом столе в ускользающих от внимания хитро-сплетениях громоздилось что-то откровенно неряшливое, свисающее во многих местах за край стола. Толстый бронированный кабель отходил к щитку на стене с выключенным большим рубильником.

– А что будет, если включить ток?

Откуда-то сверху неожиданно громко и резко отстрекотала птица, и Дмитрий, вскинув голову, увидел нахохлившегося зеленого попугая в клетке на шкафу.

– Ой, птичка... как же она здесь живет? – пробормотал корреспондент первое, что ему пришло в голову, – Или это такой индикатор, как на шахтах?

– Вот!.. – оценил Вадим, – Когда он сдохнет, я уволюсь.

Это вырвалось у него самопроизвольно. Он вовсе не со-

бирался жаловаться и сетовать. Просто накатило вдруг перед корреспондентом. Это была иллюзия вероятности решения проблем новым человеком.

– Все так плохо?

Попугай громко засвистел и защелкал одновременно.

– Цыц, Кеша! – строго приказал Вадим и, в самом деле, стало тихо, – Видите ли....

– Дима... – подсказал корреспондент располагаяще.

– Окей, Дима... я давно понял, что все это как бы никому и не нужно. Вот это устройство, которое рекламировал вам шеф и вот эти наметки соответствующей теории, – Вадим небрежно хлопнул ладонью по какой-то папке, – они могут пока убедить только меня одного. Даже шеф толком не врубается. Другие же специалисты имеют по вопросу каждый свою любимую теорию. На мой взгляд, они все очень далеки от реальности.

– А у вас что за теория?

Вадим вздохнул.

– Я не придумывал ее с нуля, а собрал все на сегодня известные фактические данные и составил из них пазл, как из картинок. Пока еще много незаполненных дырок, но гораздо больше того, что хорошо дополняет общую картину.

– Хороший пример с пазлом, я сразу представил, – оценил Дмитрий.

– Короче, это концепция работы мозга и, чтобы практически ее проверить, нужны колоссальные средства. Так что сейчас остается лишь мечтать на эту тему.

– Хм.. вроде бы это – нормальная судьба любого начинания, – Сквозняков развел руками.

– Нормальная?.. Что-то мне так не кажется. Все это идет поперек шерсти многим нашим авторитетам, и уж они первым делом перекроют кислород, чтобы продолжать окучивать свои направления.

– Вот так оно обычно и бывает, вся история открытий об этом.

Дмитрий испытал тягостное чувство человека, видящего чужую беду, но не намеревающегося помочь, мало ли какие беды случаются вокруг. У него совсем другие цели здесь.

– Да, можно сказать, что пока что моя теория не достаточно убедительна, – Вадим виновато улыбнулся, – нужны именно очевидные результаты успеха, с которыми не поспоришь.

– Так у меня как раз задача – сделать убедительные снимки. Вот думаю, как тут лучше показать. Давайте вы сядете вот там, хороший свет и ракурс...

– Пока не стоит, Дима, – Травкин усмехнулся, – Вот у знатной доярки есть неоспоримое достижение, а у меня только теория. Кстати, сейчас будет в самом деле впечатляющая лекция.

– Ну что ж, – кивнул Дмитрий, мысленно отмечая бесполезность визита.

– И, все же, кое-что вам показать, пожалуй, смогу!

– Обязательно. Я же для этого пришел, – он посмотрел на часы, – Так что это за лекция такая интригующая предстоит?

– Уже третья лекция. Вам это точно покажется очень странным. Особенно его наглядные демонстрации. Некоторых впечатлительных приходится за руку держать. Бывают

классные сеансы гипноза, бывают классные представления иллюзионистов, а это – нечто совершенно иное. Я пока даже не могу сказать определеннее... Большинство просто развлекается, не вникая в суть. Для них это просто эффективное шоу.

Сквозняков воспрял.

– Там хороший свет?

Травкин задумался вспоминая.

– Ну, не темно, это – точно.

Сквозняков сменил статус объекта из бесполезных в перспективные и решил попробовать вытащить сенсацию или хотя бы сделать достойные фотки научных типажей в моменты аффектов их удивления.

– Нам не пора?

Вадим взглянул на часы, кивнул, и они вышли из комнаты.

В коридоре стало многолюдно. Все направлялись в одну сторону.

– Кстати, вот он, кого-то тащит, ни фиги себе! – Вадим повернулся против людского потока. Сотрудники прижимались к стенке, пропуская необыкновенно контрастную парочку. Среднего роста брюнет с колючим взглядом и точеным носом, не очень опрятный на вид, но какой-то благородно подтянутый, держал, подломив под острым углом запястье, взлохмаченного гопника, одуревшего от боли, растерянности и унижения. Жертва была гораздо крупнее Нифертити.

Сквозняков дернулся было вскинуть камеру, но понял, что не успевает с учетом полумрака в коридоре. Он вообще часто упускал кадры, не решаясь фотать в упор и завидуя своим более наглым коллегам, которые использовали вспышку, невзирая на то, что она сплющивала изображение. Для Сквознякова художественность снимка была превыше его информативности.

– Григорий Савельевич, – окликнул Вадим, – Помочь?

– Спасибо, Вадик, не нужно, – Нифертити мотнул головой и попридержал дылду – Ты – в зал?

– Да, мы вот хотели с товарищем корреспондентом... а что, теперь отменяется?

Нифертити с интересом посмотрел на Сквозняка.

– Корреспондент? Ну что же... Это, может быть даже, кстати. Я только отведу этого гражданина, – он чуть сильнее перегнул кисть и подтолкнул замычавшего дылду дальше.

– А чем-то похож на Нифертити! Сильный мужик! – с неподдельным уважением заметил Сквозняков.

– Тот парень колется, – пояснил Вадим, – мы давно подозревали, но ничего с ним не можем поделать.

Они пошли по пустеющему коридору. Последние сотрудники вливались в зал через крепко подпружиненную дверь, которая натужно отщелкивала каждого протиснувшегося.

Типовые, в меру опортреченные "актовые" залы, в то время предназначались для единогласного принятия решений и проектировались с голой сценой и ровными рядами фанерных сидалищных блоков.

Сквозняков, прикидывая лучшую точку для съемки, прошел к передним блокам. Вадим не привык быть настолько на виду, но возражать не стал. Они уселись в самом центре, там, где народ предпочитал не светиться.

Сквозняков, умащиваясь на скрипучей фанере, вдруг понял, что секунду назад мельком коснулся взглядом чего-то неожиданно-волнующего. Это было там, куда повернулся Вадим. Тот общался с соседкой слева. Она что-то говорила ему, и этот голос настолько оправдал предчувствие необыкновенного, что Сквозняков, подавшись вперед, довольно нескромно выглянул через Вадима после чего, непроизвольно сглотив, откинулся на трагически вскрипнувшую спинку. Вадим не спеша принял нормальное положение и посмотрел на часы.

– Вадим, – Сквозняков приблизился к уху Травкина, – Кто это?

– Где?

– Рядом с тобой! У меня чисто профессиональный интерес. Мне как раз нужен такой снимок. Познакомь, пожалуйста.

Вадим деловито поднял одну бровь и еще раз взглянул на часы.

– Мне не совсем удобно вас знакомить, долго объяснять. Но я сейчас на минутку выйду, а ты уж сам профессионально...

Нарочито громко сказав: "Щас приду, держите мне место, Дмитрий Давыдович!", устремился к выходу.

Сквозняков, оставив огромную сумку на своем сидении, не спеша, занял место Травкина и повернулся к соседке: – Извините, я видел, вы знакомы с Вадимом Романовичем?

Тонкое лицо настороженно повернулось, и Сквознякова смутил печальный взгляд со злыми искорками.

– С Вадькой? Конечно. Кто ж с ним не знаком.

– Видите ли, я корреспондент и готовлю о нем очерк.

– Классно! – в ее глазах потеплел интерес.

– Вы знаете, сегодня, пожалуй, мне вдвойне повезло: у вас как раз нужный типаж молодой ученой. Если бы вы разрешили мне сделать несколько снимков после лекции...

– Что вы, я не фотогенична, – она упрямо тряхнула головой и опустила глаза.

– Ну почему вы все так говорите? Я сделаю хорошие фотографии... Как я могу вас называть?

Девушка неприступно подняла лицо и Сквозняков с изумлением увидел выражение острой горечи и детской обиды.

"блиииин...." – подумалось ему досадливо, – "какая-то шизанутая....".

– Простите, если вас чем-то обидел, – еле слышно выдохнул он предельно деликатно.

Девушка судорожно глотнула и, широко раскрыв глаза, молча отвернулась, а Сквозняков с тяжелым чувством откинулся на скрипучем сидении.

На сцену героически взбирался какой-то толстяк, отжимаясь от ступенек правой толчковой и удерживая себя руками за колени. В зале приуныли, но несколько последних ехидных реплик явно ему адресовались.

– Товарищи, – несопоставимо тонким фальцетом прокричал толстяк, – Григорий Савельевич задерживается с очередным его казусом, и я тут, кстати, решил поднять вопрос о дисциплине, – он отерся мятым платком и, уронив его мимо кармана на пол, продолжал:

– Вчера мы провели проверку, многие надолго запом-

нят! – он обличающе обвел зал маленькими заплывшими глазками, – Очень неутешительно. Есть лица, которые спорят, не желают предъявлять у входа. А другие меня увидели и сразу повернули назад. Думали, что походят где-нибудь часок, отсидаются. Они просчитались: мои помощники в это время фиксировали на рабочих местах. Выявлено двадцать семь нарушителей, из них шестеро злостных и двое – матерых. В столовой тоже безобразие. Зеленые билетики все время лезут в очередь красных, путают установленный регламент раздачи.

Хлопнула дверь, и в зал вошел Вадим.

– Нарушителей дисциплины мы пометим, снизим им КТУ, вымараем из премиальных списков.

Вадим с усмешкой направился к своему месту.

– Вот такая дисциплина, – даже тут никак не соберемся! – выдал ему в спину толстяк.

В зале зашумели. Сквозняков пересел, поставив сумку у ног, и Травкин, возбужденно дыша, повалился на сидение, качнув весь блок. В тот же момент опять хлопнула дверь и вошел Нифертити.

Толстяк замахал рукой:

– Товарищи, успокойтесь. Вот вам ваш Нефедов!

Шум моментально стих.

– Прошу, Григорий Савельевич, – толстяк, обстоятельно ступая на каждую ступеньку, спустился с неуютной сцены. Нефедов подал ему оброненный платок, и толстяк на ходу отер им лицо.

Эффектного появления не случилось и Сквозняков ослабил палец на кнопке фотоаппарата.

Как-то буднично Нифертити бросил взгляд за широкие окна, где над верхушками тополей с залитыми солнцем кронами виднелась сияющая белизной цепь гор, посмотрел в зал, добродушно прищурился и негромко сказал:

– Не берите в голову, товарищи... Настраиваемся на работу.

Кто-то коротко заржал. Непередаваемая потусторонность Нифертити, нисколько не подходящая к этому актовому залу, заряжала интригой.

– На основе представлений из прошлой лекции попробуем экстраполировать эволюцию разума. Мы воочию увидим...

Дмитрий наклонился к Вадиму.

– Так это будет просто научная лекция?

– Это будет охрененно. Можешь фильтровать слова, самое главное само себя покажет.

И точно, Нифертити только в самом начале заговорил как университетский препод. Он вплетал такие ярко-зримые и завораживающие фрагменты, что в целом, скорее, создавалось впечатление сеанса психотерапевта. Тем более, что в зале раздалось сомнамбулическое мычание.

– Поэтому у нас еще есть невидимые, но катастрофические проблемы... – Нефедов замолчал.

– Ой!.. опять! – послышался женский выкрик из зала, по полам с грохотом падающих вещей и треском ломающейся мебели. Некто с довольно массивной фигурой непомерно откинулся назад в круговом движении торса, воздев широко раскачиваемые руки, в точности как это показывали по телику на сеансе Кашпиоровского. Седалищный блок оказался не

рассчитан на такое, и тело завалилось чуть ли не загравком на пол, а соседи, не успев выскочить из кренящегося блока, хором ухнули следом, окончательно развалив фанерную конструкцию. Все это смешалось с задним блоком, на котором тщетно пытались остановить обрушение.

– Ну вот, зачем это?! – раздалось сразу несколько негодующих голосов, – Каждый раз кому-то вступает в голову!

– С каждым разом эта чертовщина все забористее!.. – откликнулись недоброжелатели.

Нефедов выжидал с непроницаемым лицом.

– Внимание!.. – наконец перекрыл он своим удивительно выделяющимся голосом весь шум, – У нас научный институт и здесь сидят грамотные научные сотрудники... Приношу извинения тем, кто, не поняв моих намерений, оказался шокированным, испытал неприятные моменты в прошлый раз, – Нифертити сеял спокойствие буднично-умиротворяющей интонацией, – никакой чертовщины и волшебства, конечно... Я настоятельно предупреждал, что особо впечатлительным людям, плохо переносящие необычное, не следует посещать мои презентации...

Он выждал, когда в зале восстановилась тишина и про-

должил.

– Чтобы избежать новых психотравм, нужно научиться не придавать происходящему слишком большое значение. Итак, давайте вернемся мысленно в прошлое и представим, как бы реагировали люди в библейские времена, услышав ответ, скажем, на такой вечный вопрос как: "что такое смерть"? Для нас с вами ответ в его естественнонаучном аспекте как бы очевиден. Но вот, вообразите, некто аргументирует перед древней аудиторией эти наши современные представления, в частности перспективные наработки нашего ОКБ ИИ. Какова будет реакция? Религиозность просто не позволит многим воспринять столь шокирующее новое. Аналогично и в наше время догматизм в науке создает непримиримое непонимание. Но нас интересуют неверующие. Те, кто способен воспринимать новое – как возможную гипотезу. Такие есть у нас, я знаю. Остальных прошу покинуть зал во избежание...

Он подождал, но все сидели напряженно-непоколебимо.

– Те, кто пришел, ожидая какого-то необыкновенного и грандиозного представления, получают негатив, потому что увиденное они осмысляют неверно. Только постепенно, узнавая все больше о предмете, человек убеждается в значимости отношения к нему, и тогда сведения становятся знанием. А чем больше опыт познания, тем больше человек уверен в

своих знаниях. Мы уверены в том, что нами проверено. И нам безразличен хоть целый океан истин, самых, быть может, важных и грандиозных, если они, пока, никак не связаны с нашим опытом. В лучшем случае они просто шокируют, привлекая внимание.

"А любит он говорить", – подумал Сквозняков, убаюкиваясь словами фраз, смысл которых ускользал от понимания. Он, конечно, воспринимал значения отдельных слов, но все казалось бессмысленным словесным потоком. Но большинство в зале, судя по их виду, вполне проникались сказанным. Дмитрий учел, насколько неуместным прозвучит щелчок фотоаппарата, если он решится снять самые выразительные лица. Экспозиция была уже надежно выверена, а палец лежал на спуске чтобы не упустить момент. Нифертити воспринимался как бы издалека.

– Люди занимаются тем, что преобразует сведения в знания, и затем – в убеждения, другими словами – в свою сущность и поэтому все в большей степени человечество зависит от познанных истин. Не разумно ли предполагать, что мы сольемся в итоге со всей совокупностью локальных знаний Вселенной – в одно общее вместилище? Я точно знаю, что это будет так, и хочу постепенно донести это знание до вас.

Давайте поставим опыт. Я дам определенный ответ на во-

прос о смысле жизни. Затронет ли он вас или покажется неинтересно банальным?

И тут Нифертити замолчал на некоторое время. Было заметно, что он терзается каким-то сомнением, поглядывая на так и не вышедшего из зала, закатившего глаза на фанерных обломках сотрудника.

– Лучше бы показать наглядно... – пробормотал он так, что его слышали только первые ряды. Видимо, поборов искушение, он продолжал, обращаясь ко всем.

– Смысл жизни можно определить – как личную оценку значимости всего того, что в этой жизни у него есть и на что он способен влиять. Поэтому смысл жизни индивидуален и в целом представляет собой личную ценность отношения, сформированного жизненным опытом. Но жизненный опыт так формирует индивидуум, что тот начинает отвечать потребностям общества, занимая социальную нишу.

Корреспондент Сквозняков профессионально наблюдал как все напряженно вникают в каждое слово и выискивал фото-момент как охотник в засаде. Но лица слушателей не проявляли достаточно ярких эмоций. Правильнее было бы встать, чтобы получить более широкий обзор и сцены и зала, но Дмитрий не решался заскрипеть фанерой и нарушить

напряженное внимание в зале. Опять его нелепые сомнения мешали ему. Вот почему на самые горячие задания посылали более борзых журналюг.

– Хотя из очевидного возникает достаточно понимаемая модель представлений, – Нифертити на пару секунд замолчал, сканируя лица в зале, – но, думаю, что в таком виде это мало кого тронет из вас. Это нужно пережить самому. Для этого я и провожу интерактивные демонстрации. Сейчас мы практически прочувствуем то, что индивидуум – это целая совокупность субъективных моделей, развитых для всех важных ситуаций, как общество – совокупность их носителей. Каждый из нас – это множество разных "я", которые берут управление в ситуации, для которой они наиболее опытные.

В этом месте Сквознякова зацепило утверждение, что у него в голове копошатся много разных его "я". В самом деле он наблюдал, что его коллега, алкаш Василий, в трезвом состоянии был совершенно другой личностью, чем его пьяная ипостась. Да и сам он только что, пытаясь познакомиться с соседкой Вадима, ощущал себя и ситуацию совсем не таким, каким был сейчас.

– Выяснив принципы взаимодействия "я" в мозге, мы могли бы использовать это как закон уже не просто природы,

а социума. Главным в мозге является личная система значимости, откликающаяся на все в виде смысла различных жизненных ситуаций. Мы можем произвольно менять значимость момента и, тем самым, подключать другое свое "я" с другими желаниями и целями.

Каким-то образом это начинало проникать в голову Сквознякава вопреки тому, что у него не было склонности размышлять над такими вещами, очевидно, что такое может быть только при невидимом воздействии на его разум. Мало того, это сумело отвлечь его от самого главного: фотоохоты. Что-то вызывало в нем невольный отклик и соответствующие воспоминания, как недавняя поездка, когда непрерывно курящий водитель редакции поначалу сильно досаждал, чуть ли не до порывов вспылить. Но горячая разборка ничего бы не изменила, ведь водила не смог бы насильно перестать курить. И тогда Дима отключил непримиримость своего отношения к дыму, и это был уже не воинственный, а вполне конформистский, другой Дима.

Сквознякава начал внимательно вслушиваться, предчувствуя что-то очень необычное.

– В мозге нет главнокомандующего, координирующего поведение каждого из "я". В обществе это значило бы, что только общая культура является судьей всех его членов.

Если бы системы значимости у всех людей были бы взаимно согласованы, то мы бы жили в идеальном обществе. Никаким "коммунистическим" воспитанием достичь такого невозможно. Этого можно достичь только, развивая информационные системы общения до их эффективности, сравнимой с эффективностью взаимодействия различных "я" мозга.

Для Сквознякова это звучало как политическая крамола, резанувшая остро заточенные на такое уши корреспондента. Явная недопустимость таких высказываний должна бы вызвать вмешательство парторга. Может это и есть обещанный сюр?

Нифертити чуть снисходительно посмотрел в зал:

– Вопросы какие-нибудь возникают?

И тут неожиданно для самого себя поднялся Сквозняков, так и держа палец на спуске фотокамеры:

– Корреспондент газеты Вечерний свет. Раз вы говорили, что покажите наглядно, нужно ли понимать, что будет продемонстрирована неэффективность коммунистического воспитания? Это какое-то кино будет?

Нифертити поднял брови и чуть вздохнул.

– Коммунистическое воспитание останется за рамками тематики этой лекции. И будет не кино, а непосредственное ваше участие. Вот сейчас и попробуем... Кто не рискует участвовать непосредственно, лучше прямо сейчас выйти из зала.

Захлопали сидения. Сомнабулического сотрудника выволокли двое коллег.

Неприступная незнакомка Сквознякова вспорхнула, затопила к выходу, стуча каблучками, и затерялась среди выбегающих в тихой суете сотрудников.

Нарастало непонятное напряжение, хотя Нифертити все так же спокойно стоял, выжидая, и в его облике не было ничего настораживающего.

Сквозняков отпустил кнопку аппарата, повисшего на ремнях на груди и сжал подлокотники зачем-то вспотевшими пальцами, успокаивая себя, что не подвержен гипнозу. Никогда раньше, сколько он ни таращился на фокусников, ему не удавалось уследить за секретом действий, а сейчас он даже не знал, что же должно произойти.

– Расслабься, – дружески толкнул его плечом Вадим и усмехнулся.

В последний раз хлопнула дверь, и позади Нифертити Сквозняков вдруг заметил кресло, лихорадочно вспоминая было оно или нет.

Нифертити, не глядя, уселся в него и в образовавшейся неестественной и глухой как вата тишине возник его негромкий голос, как если бы он звучал прямо в голове.

– Итак, без сенсаций. Мы работаем в научном учреждении, и здесь присутствуют неплохие специалисты, которые вполне представляют возможности и феномены человеческого восприятия. То, о чем я говорил – это серьезно, и сейчас мы продолжим нашу работу. В зале находится корреспондент, но надеюсь, что он правильно понимает, в чем принимает участие...

Итак, воспользовавшись возможностями нашей психики и еще пока не озвученными научно-прогрессивными разработками, образуем коллективную систему восприятия. Общение будет происходить вот по какому принципу. Каждому из нас станет доступно по ассоциации все то для него интересное, что зародится в головах у других. Поэтому у нас появится как бы два вида мышления: все, что интересно для

большинства, образует сознание коллектива, а то, что интересно только отдельным группам и людям, останется в подсознании коллектива, но будет осознаться отдельной личностью.

Это возникло почти сразу. Нетерпеливое ожидание большинства слилось в один взгляд с разных мест зала, и образ лектора расцвел, дополняясь множеством пикантных подробностей, метких наблюдений и предположений. Многообразие мнений существовало одновременно, и на гребне его всегда находилось чье-нибудь наиболее экстравагантное в данный момент. Многие в первоначальном испуге пытались, оторваться от завораживающего общего потока, который то и дело находил отклик в их душе, и эти попытки вполне удавались. Но если в такой момент собственная мысль не оказывалась более интересной, удержаться в себе становилось трудно, потому что внимание то и дело отвлекалось на чужие находки.

– Как он это делает?! – прошипел Сквозняков в ухо Вадиму. – Новейшие секретные разработки, я сам толком не знаю. Довольно скоро поток новых впечатлений, сфокусированных на личности лектора, иссяк, и гораздо легче стало внимать собственным мыслям, пока у кого-то не родилась такая, что завладела почти всеми. Видимо в зале было достаточно много молодых и озабоченных. Кто-то, терзавший-

ся невостробованной любовью и лишь ненадолго поглощенный происходящим, дал волю эротическим фантазиям, захватившим коллективное сознание невольными живейшими откликами. Массовое творчество так разукрасило и разнообразило жалкий первоначальный сценарий, что привело в ужас буквально всех. Тут же родилось чей-то удачный прикол-нравоучение, за него ухватились, развили и с облегчением хоть как-то снова зауважали себя потому как никакого секса в то время в стране не было. Однако впечатление от пережитого оставалось неизгладимым, и в боязни нового рецидива генерировался хаос отвлекающих идей, пока не зацепились за космическую тему как наиболее далекую. Кто-то без устали подбрасывал щедрые увлекательные идеи.

Когда пошли образы жутких инопланетян, одно из кошмарных до нелепости тел угрожающе выделилось, резко дополнилось многочисленными и необыкновенно реальными подробностями и вдруг появилось на сцене рядом с развалившимся в кресле Нифертити. Тот явно растерялся, и не менее минуты чудовище царило около него, эпатируя всех своим видом и просто неприличными движениями множества разнообразных конвульсирующих отростков.

Поэтому не многие обратили внимание на два последовавшие один за другим щелчка Сквозняковской фотокамеры, но сразу после них кошмар исчез, и сотрудники в зале

почувствовали себя свободными от взаимного влияния.

Люди пережили слишком большое потрясение от сеанса, и не могло быть речи о том, чтобы продолжать лекцию. Нифертити буднично попрощался и, сойдя со сцены, смешался со смущенными, не смеющими посмотреть друг на друга сотрудниками. И только наблюдательный Сквозняков в третий раз нажал на спуск "никона", запечатлев забытое на сцене вычурное кресло, которое, будто только и дожидаясь момента, растворилось в воздухе.

– Вадим, погоди! – окликнул Сквозняков слегка еще не пришедшего в себя Травкина, поспешно запаковывая фото-технику, – Старик, нам нужно серьезно поговорить. Но сначала давай догоним этого вашего Нифертити...

– Зачем?

Сквозняков порывисто подхватил Травкина под руку и потащил, лавируя между выходящими.

– Хочу задать ему пару вопросов. Как корреспондент ведущего информ-агентства.

Догонять не пришлось. Сразу за дверью, под обширной доской почета, где портреты Нифертити и Травкина

не экспонировались, двое представительных апологета методов централизованной морали с пристрастием допрашивали лектора. Люди обходили их, стараясь не замечать, и уносили при этом неприятную тяжесть на совести.

– Толстяк – это наш юрисконсульт, – шепнул Травкин, – по прозвищу Весельчак. Похож на одноименного персонажа не только внешне. А дылда – парторг.

В то время по умам ходил отечественный мультфильм "Тайна третьей планеты" со свинообразным инопланетянином – космическим пиратом, который демонстрировал чудеса подлости. Если попытаться быть справедливым, то нужно заметить, что все эти чудеса не были более подлыми, чем то, что широко и постоянно демонстрировалось в интригах разного рода от партийных до внутризаводских, но свино-внешность Весельчака придавала им порицаемое качество в оценках зрителей.

– От названия, товарищ Нефедов, ничего не меняется, – визжал Весельчак, – Наука наукой, а порнография, извините, порнографией! – он чуть не задохнулся от негодования, так ему не хватало воздуха, и он часто сглатывал.

– Вы не поняли суть происходящего. С таким настроем дискутировать бесполезно, – относительно спокойно сказал

Нифертити.

– Дискутировать?! – у дылды брови полезли на затылочную лбу, – Единственное, о чем мы вас сейчас предупреждаем: не смейте более проводить свои сеансы, пока мы не решим по вашему делу. Не изолировать же вас, в самом деле, до тех пор! Не смотрите так!!! – дылда покрылся крупной испариной, и предательски трясущейся рукой полез в карман.

– Зачем так кричать на компетентного ученого? – спокойно вступил Сквозняков.

Дылда вздрогнул и повернулся к нему:

– Это кто вы?

– Простите, вы – парторг, если я не ошибаюсь?.. А я – корреспондент. Давайте говорить, оставаясь на этих позициях.

– Ну вот, корреспондента нам тут не хватало! – взвизгнул толстяк.

– Я вижу, вы поставили то, что происходило на лекции в вину лектору? – Сквозняков зачем-то расстегнул свою сумку и порылся в ней.

– Безусловно, – кивнул дылда, косясь на сумку, – но, думаю, это наш внутренний конфликт, и он не характерен... – дылда неопределенно покрутил головой.

– Я тоже был на лекции, – Сквозняков неторопливо обвел глазами стоявших и пожал плечами, – впечатление ошеломляющее. Такие возможности и перспективы! Все, насколько я понимаю, научно обосновано. Григорий Савельевич просто...

– В том-то и дело, товарищ корреспондент, что вы не понимаете!..

– А вот со мной был и товарищ Травкин, – Сквозняков подтянул Вадима за локоть, – мне его рекомендовали как ведущего специалиста. Думаю, он-то понимает?

– Да ясно тут, – Вадим мрачно ухмыльнулся, – напрасно вы шьете аморалку Григорию Савельевичу. Он не отвечает за наши мысли. Вот, к примеру, – Вадим пристально посмотрел на дылду и гадко подмигнул, – вы сейчас вообразите это самое... В подробностях... Ну, разве я виноват в чем-нибудь?

Дылда брезгливо тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Неправда. И ваш глупый опыт не удался.

– Удался, – буркнул Нифертити и ухмыльнулся в усы, – значит так, дорогие не коллеги. Я к вашим услугам сегодня после работы, заходите, – он повернулся и зашагал прочь по коридору.

– Я не пойду к нему! – возмущенно зашипел дылда, с вызовом уставившись на толстяка.

– Да уж, – запыхтел тот, – и управы-то нет... не те времена уже....

Сквозняков с Травкиным нагнали Нифертити. Тот взглянул и вспомнил:

– Вадик, я прочитал твою рукопись.

– И?

– Очень хорошо! Даже было подумал, уж не причастен ли ты... ну об этом, мы еще поговорим. А вот, товарищ корреспондент, скажите, пожалуйста, что вы намерены делать с фотографиями?

Вадим прыснул от смеха:

– Дело в том, Дима, что это было внушение. Иллюзия. А нечистая сила теней не оставляет.

В те стародавние времена даже на флагманском никоне не было возможности посмотреть сразу результат съемки: он фотал на пленку.

Они остановились у двери, на которой кроме номера не было ничего, если не считать процарапанного наспех чем-то острым черепа с костями.

– Жаль, если это так, – разочарованно сник Сквозняков.

– Вы пока не показывайте никому эти фотографии, – выразительно попросил Нифертити полусшепотом сообщника, – буквально еще несколько дней, договорились?..

У Вадима медленно округлились глаза:

– Разве там что-то могло получиться?!

– Спокойно, Вадик... Завтра утром мы поговорим. Извините меня, нужно кое-что уладить срочно, – Нифертити виновато хмыкнул, щелкнул замком и скрылся за дверью.

Несколько секунд Вадим растерянно смотрел на мстительно выцарапанный кем-то череп под номером на двери и пытался найти всему правдоподобное объяснение.

– Сильный мужик! – повторился Сквозняков, – Два года назад мы имели дело с одним экстрасенсом, но разве можно сравнивать?

– Пойдем ко мне? – Травкин набрал код, но дверь молчала.

– Пароль что ли сменили?... – Травкин постучал.

Сквозняков посмотрел на часы, – Вообще-то мне еще в одно место на съемку надо.

Дверь открылась.

– Быстрее заходите! – раздался женский голос.

Сквозняков послушно шагнул в комнату и смущенно остановился. Чуть прищурившись, на него смотрела та самая девушка, а над ее головой широкими кругами с громким фыркающим звуком летал попугай, ловко лавируя в сплетениях стеллажей.

Девушка виновато улыбнулась:

– Кеша вылететь может...

Попугай уселся чуть выше человеческого роста на бронированный кабель питания макета, образовав на фоне приборов великолепный кадр "Девушка и попугай", но Сквозняков не посмел словить эту удачу.

– Вы уже знакомы? – неуверенно спросил Вадим.

– Можно я попробую угадать ваше имя? – поспешил спросить Дмитрий у девушки.

– Попробуйте!

– Наташа.

– Вадька сказал?

– Нет, – Травкин честно вылупил глаза.

Сквозняков довольно ухмыльнулся.

– Я почти наверняка могу по лицу назвать имя. Здесь определенно есть соответствие. А меня зовут Дима, – он чуть

кивнул.

– Очень приятно. Пойдемте чай пить, я только что заварила.

Сквозняков еще более демонстративно посмотрел на часы.

– Только ненадолго...

Они гуськом прошли между стеллажами, опять вспугнули Кешу и под его фыркающее порхание уселись за стол.

– Мне попугая Вадим подарил на день рождения, – призналась Наташа, разливая чай, – Держать его приходится здесь, потому что в общей комнате его выпускать нельзя, слишком часто открывают дверь. Так и хожу его кормить и прогуливать.

– Напрасно ты с лекции ушла! – сказал Вадим, – откусывая традиционный глазированный пряник.

– Было не так ужасно, как в прошлый раз?

– Гораздо ужаснее!

– Не знаю, как у вас было в прошлый раз, – встрял Сквозняков, – но такое уже до смерти не забудешь.

– Так ты же и в прошлый раз убежала! Откуда знаешь, что было ужасно?

– Да все только и говорят.

– Еще бы, – Сквозняков интеллигентно отхлебнул, – Так у человека и крыша может поехать, а если он не свихнется, то и прежним не останется. Мне все это по силе потрясения напомнило недавнее... – он запнулся.

– Если что-то личное, можешь не рассказывать, – посоветовал Вадим.

– Да ничего. Прихожу вечером к сестре – у нее свой дом. Захожу, а в передней ее мужик лежит с дырой в голове. Рядом ружье. Я сразу понял, что это – финиш. Парень такой добродушный был – дальше некуда. И на морду смазливый и не дурак и все, в общем-то, у них было. А тут... такое... Потом увидел записку: "Нет смысла жить дальше. Ввел шприцем в вену воздух. Смерть не наступает. Остается ружье." Так вот...

– А дети у них были? – тихо спросила Наташа.

– Детей не было, – кивнул Сквозняков,

– Тогда понятно.

Кеша спланировал над самыми головами и уселся на свою клетку.

– Такие случаи все переворачивают. У меня вот тоже, – в тон Сквознякову заговорил Вадим, – со вчерашнего дня все не так. Не могу начать работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.